

Терроризм: Террор и взрыв

П. Боянич

*Institute for Philosophy and Social Theory, Belgrade (Serbia),
Centre for Modern Thought, University of Aberdeen (UK)
Taylor Building, King's Colledge, Aberdeen AB24 3UB, UK*

«... Значение огня и создание бомб»¹

Взрывы, произошедшие в Нью-Йорке более чем пять лет назад, представляют собой начало «войны с терроризмом», которая продолжается до сих пор. В означенное время многие события в различных частях света были ознаменованы более или менее разрушительными взрывами с большим или меньшим числом жертв, взрывов, ставших, без каких-либо оговорок, известными в качестве террористических «актов», «акций» или «атак». Возможно ли объяснить терроризм с помощью анализа связи между словами «террор» и «взрыв» («бомбовая атака» может быть взрывом самолета, выступающего «в качестве бомбы», так же как взрывом террориста-смертника, который взрывает бомбу на себе)? Быть может, такой вид определения терроризма, не будучи узким², может иметь преимущества в сравнении другим определениями?

«Определяя терроризм» — террор определений

Умножение или «взрыв» (explosion) текстов о терроризме, которые всегда заново пытаются определить терроризм, будучи последствием страха перед терроризмом («страх перед страхом»), есть «террор» самого терроризма. Трудность, связанная с определением терроризма, установлением его причин и способа существования, проявляется весьма разнообразно:

© П. Боянич, 2009.

© Ж. Баймухаметов, перевод, 2009.

¹ Marighella C. Manual do guerrilheiro urbano (Minimanual of the Urban Guerilla). 1969. Бразильский революционер так определяет терроризм: «Терроризм – это действие, обычно связанное с пространством взрыва или зажигательной бомбы большой разрушающей силы, которое способно нанести врагу невозместимую потерю».

Ленин в своей статье «От обороны к нападению», опубликованной в сентябре 1905 года, говорит о переходе от индивидуального террора к «военным операциям совместно с народом». «Бомба перестает быть оружием «бомбистов»-одиночек, и становится главным оружием народа. <...> Бомбы изготавливаются везде и всюду. Их сейчас производят в России в более широких масштабах, чем кто-либо знает из нас. <...> Очевидно, материалы в России направляются на это. Просмотрите сводки в официальных газетах о бомбах, найденных на пароходах в багаже мирных пассажиров». Ленин В.И. Избранные работы. М.: Прогресс, 1972. Т. 9. С. 284–285.

² Энтони Коуди употребляет прилагательное «узкий» по отношению к теории терроризма Маригеллы, хотя Дэвид Роден двадцать лет спустя помещает это определение в работу «Тактические и операционные определения» терроризма, так выразив им свое общее недовольство: «Ясно, что очень узко» (Coady S.A.J. The Morality of Terrorism // Philosophy. 1985. № 60. P. 47; Rodin D. Terrorism without Intention // Ethics. 2004. № 114. P. 753).

1. Отсутствие правовых определений терроризма. До сих пор ни одна из дискуссий, имевших место в Генеральной Ассамблее ООН и в ее Комитете по правам человека с 1970 по 2000 гг., не имела успеха в определении международного терроризма и фактически не сумела провести различия между ним другими формами политического насилия (не существует различия между террористом, убежденным преступником (Überzeugungsverbrecher)¹, борцом за свободу и, например, защитой своих законных прав посредством национально-освободительного движения)².

2. Традиционный страх перед бунтом и революцией. Все сегодняшние определения терроризма имеют некоторое отношение к Французской революции, т.е. к якобинской диктатуре, так же как и к богатой традиции терроризма в Европе в прошлом и в XIX веке. Агент терроризма и сторонник крайних форм насилия (крайней и сокрушительной силы) не всегда должен быть слабым, скорее, он обычно (или одновременно) является тем, кто силен (государство, государственный терроризм или терроризм, созданный государством).

3. Стирание или осуждение историей тайных связей между «сильным» (государством) и «слабым» (террористами, террористическими группами). Правительства определенных государств или их администрации прежде всего являются ответственными за мощь, организацию и даже наличие этих банд. Правительства самых могущественных государств узурпировали власть («мировое господство»), нанесли урон суверенитету других государств, плохо защитили интересы своего собственного народа и причинили ущерб своим собственным суверенитетам (своим собственным гражданам). Напротив, «террористы» не смогли превратиться в носителей интересов меньшинств и слабых, в тех, кто желает равенства и участия в управлении миром, скорее всего, их «энтузиазм» перешел в фанатизм или в «энтузиазм ради чего-то абстрактного» (ein Begeisterung für ein Abstractes) (это является важной характеристикой магометанства; например, Гегель сравнивает его с терроризмом Робеспьера)³.

4. «Институционализация» лицемерной аргументации (двойных стандартов), которая «укрепляет» суверенитет привилегированных государств и защиту своих граждан. Философ решает исключительно государственные проблемы и проблемы по управлению миром. Он создает аргументацию, которая оправдывает насильственные средства для поддержания существующих институтов и баланса сил: право на насильственную интервенцию, право на превентивную войну и упреждающий удар, возникновение «асимметричной войны», законность заказных убийств, право на насильственную смену правления, тюремное заключение без суда, оправдание пыток и т.д.

Взрыв или, точнее, несколько мощных взрывов, которые произошли в сентябре 2001 года в Нью-Йорке, связаны с террором. Прежде, чем я попытаюсь объяснить близость слова «террор» к слову «взрыв» (это слово подразумевает бомбу, динамит, нефть,

¹ Radbruch G. Strafrecht II // Gesamtausgabe. Band. 8. 1998. S. 127.

² В 1999 году ООН приняла конвенцию относительно финансирования терроризма. Конвенция содержит «эмбриональное определение» терроризма (Friedrichs J. Defining the International Public Enemy: The Political Struggle behind the legal Debate on International Terrorism // Leiden Journal of International Law. 2006. № 19. P. 74).

³ «Здесь (в магометанстве) принципом было *la religion et la terreur* [религия и террор], подобно тому как у Робеспьера *la liberté et la terreur* [свобода и террор]» (Hegel G.W.F. Philosophy of History. N.Y.: Dover Publications, 1956. P. 358. См. Также: Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1993. С. 375).

огонь/греческий огонь или нафталин), необходимо кратко рассмотреть несколько направлений в которых проходила дискуссия о терроризме. Вопрос состоит в том, возможно ли преодолеть трудность, связанную с определением терроризма, — с предположением того, что правильное определение терроризма положит конец терроризму и какой-либо будущей возможности террора, — с некоторыми дополнительными предпосылками, которые больше усложняют дело?

Событие, которое ежегодно повторяется, обозначаемое двумя числами и чертой между ними (9/11; нет других чисел, обозначающих год или прибавляемых к этой дате), которое я здесь использую в качестве парадигмы «террористического акта», обычно поясняется с помощью следующих слов (все эти слова и фразы предполагают разъяснение и объяснение слов «террор» и «терроризм»):

Во-первых, событие (9/11) не является даже событием, оно не имеет статуса события, поскольку не произошло ничего неожиданного, поскольку все было готово, поскольку терроризм — не столько начало, сколько ответная реакция на террор, которая предшествовала ему и в конце концов спровоцировала его; затем, в противовес и независимо от феноменологической рамки предыдущего предложения, событие представляет собой полную неожиданность, так что террористический акт является вообще непредсказуемым; поскольку оно уже произошло, оно может произойти снова в любое время и в любом месте, так же как смерть может всегда быть нежелательной неожиданностью, следовательно, одно такое событие представляет собой постоянную угрозу; это событие порождает панику и затем смерть многих невинных людей, которые оказались здесь совершенно случайно во время (случайного) взрыва; смерть невинных людей и материальный вред являются лишь вторичными целями этих событий, которые имеют чисто политическую подоплеку и намерение; в принципе, этот вид политического насилия осуществляется тайно.

Заключительные две особенности террора являются очень важными и должны быть отделены от этой цепи обозначений, поскольку эти особенности недавно хитро посчитали незначительными: (1) секретность¹ — это ключевой знак террора (страха, неопределенности и ужаса, предшествующего всякому источнику или предмету страха²). Секретная армия сеет страх³. Насилие, которое исходит от страха, несомненно, приводит нас к мистериям тайного знания и тайным превентивным акциям секретных служб (без какого-либо публичного контроля и с ничтожными результатами), которые являются главными субъектами войны против терроризма и против невидимых и тайных врагов. (2) Насилие очень близко к террору, поскольку терроризм на самом деле воспроизводит или пытается воспроизвести тип обоснования или институциональное насилие (суверена в каком-либо событии), которое кладется в основу всякого государства. Терроризм следует практикам и убеждениям государственных институций, которые каким-либо образом могут быть развиты, изменены, осознаны или созданы посредством насилия⁴. Попытки стереть из памяти предыдущее насилие или прекратить даже

¹ Coady S.A.J. Defining Terrorism // Terrorism. The Philosophical Issues. Ed. I. Primoratz. Hampshire; N.Y., 2004. P. 4.

² «Внезапный террор, который потряс без видимой причины» (terror – ужас) (Wartburg W., von. Franzosisch Etymologisches Wörterbuch. Basel, 1966. Band. 13. Teil 1. S. 264).

³ Hughes M. Terrorism and National Security // Philosophy. 1982. № 57. P. 5.

⁴ Held V. Legitimate Authority in Non-state Group Using Violence // Journal of Social Philosophy. 2005. Vol. 36. № 2. P. 183.

большее ожидаемое или неожиданное насилие посредством порождения в мире большего насилия зачастую заканчиваются лишь временным прекращением насилия. Часто беспорядком и даже последующей еще большей незащищенностью. Короче говоря, даже еще большим террором¹.

Некий набросок относительно возможной трудности, связанной с определением терроризма, начинается с присоединения некоторых элементов, устанавливающих отношения между вещами, которые не должны стоять рядом. Если неперенным условием для определения терроризма является понятие «террора» — иногда кажется, что отличающиеся друг от друга определения совершенно это не учитывают, если мы затем добавляем два ключевых сегмента террористической деятельности («секретность» и «насилие») к террору, — то у нас есть возможность использовать поучительную аналогию (или контр-аналогию). В целом, статус аналогии или аналогий является очень спорным. Он раскрывает смысл, но создает бесконечную неопределенность. Следующая аналогия, которую часто повторяют и которую св. Августин сделал знаменитой, является крайне непоходящей поскольку она пытается быть чем-то большим, чем «обычная» и «выразительная» (?) (imprecise) аналогия: «Упраздните справедливость, — говорит Августин в книге *«O grade Божьем»*, — и чем станут государства, как не шайками разбойников (*latrocinia*) с большой дороги? И чем станут бандитские шайки, как не королевством в миниатюре»².

То, что делает выражение Августина абсолютно неприемлемым, так это условность, допущение в начале этого выражения, которым он «разрушает» «элегантный и восхитительный ответ пирата великому Александру Македонскому» — «упраздните справедливость», «отбросьте правосудие». Вероятно, иногда можно что-либо отбросить (прежде всего, аналогия всегда настаивает на своеобразной оговорке, на необходимости закрыть глаза или проморгать и пройти мимо того, что ее уничтожит); однако в этом случае справедливость или несправедливость являются отображением именно этого сравнения между империей и пиратством, и определенным образом (не)справедливость возможна лишь внутри одного или другого, и одно немисливо без другого. Это — важный вопрос, и Томас Нейджел указал на остроту и значимость этой аналогии суверенитета³. Здесь меня не интересует ни смелый ответ бандита, ни имперская мировая игра (Александр спросил его: «Что ты здесь делаешь, на море, с тех пор как ты вдруг стал “пиратом”, когда еще недавно ты “орудовал” на улицах и на суше и был разбойником?»), ни игры относительно размеров краж, ни политкорректность Августина («*remota iustitia*»), ни позиция скрытого философа-консультанта Аристотеля, который всегда перед императором Александром прислушивается к ответу преступника (по-видимому, функция философа состоит в поиске того, чтобы адекватно отреагировать на терроризм

¹ Когда Иммануил Кант пытается определить моральный терроризм (*moralische Terrorismus*) и террористический способ представления истории, он приводит пример лицемерия священников (*Geistliche*), которые предсказывают всеобщее разрушение религии и скорое появление Антихриста и «поступая так, они точно представляют, что необходимо, чтобы призвать его». Моральный терроризм предсказывает, что человеческий род находится в непрерывном возвратном движении к безнравственности. «Роковой день у нашего порога; и благочестивый энтузиаст (*Schwärmer*) с этого времени уже мечтает о восстановлении всех вещей и обновлении мира после времени, которое погибнет в пламени» (*im Feuer untergegangen ist*) (Kant I. *The Conflict of the Faculties*. London: University of Nebraska Press. P. 144–145).

² Saint Augustine. *The City of God*. L.; N.Y.: Dent & Sons. Vol. 2. Book IV, chapter III. P. 115. «*Remota itaque iustitia quid sunt regna nisi magna latrocinia? quia et latrocinia quid sunt nisi parva regna?*»

³ Nagel T. *The Problem of global Justice // Philosophy & Public Affairs*. 33. № 2. P. 113–147.

пирата и разбойника) и т.д. Мой вопрос должен исходить из позиции пассажира, который плывет вместе с пассажиром Лениным по морю, из позиции пассажира, которого обыскали до полета (теперь император спрашивает «что ты делаешь в небе с тех пор, как ты вдруг стал “террористом”, когда еще недавно ты...»); мои вопросы должны быть вопросом о том, у кого есть слабость, беспомощность (*imbecilitas*), но нет невинности. На самом деле, мой вопрос — это вопрос слабоумного, вопрос о том, кому еще предстоит решать¹ (кому, безусловно, почти не дано решать), находясь между несколькими монархами, ни один из которых не гарантирует поддержку, но скорее держит его (слабоумного) в неведении и терроре:

Следовательно, «покинул» ли маленький корабль большой флот, а если да, то «поместил» ли тот, кто ищет меня, бомбы в багаж того, кто собирается убить меня?

Должна ли ответственность государства за существование терроризма предшествовать какой-либо реакции со стороны государств(а) на насилие террориста?

Ответственность государства уже предполагает террор государства. Возможно, ответственность должна начаться с неведения государства относительно определения, организации и требований своего врага; ответственность — это уже слабость государства (государство — это слабоумный, государства страдает эпилепсией, «поскольку страх перед мраком и привидениями — это самый сильный страх по сравнению с другими»², которое знает о существовании больше чем одной или множества суверенностей и монополий на применение насилия; ответственность государства проявляется посредством его риторики праведности и требует от невинных граждан помочь ему и защитить его от зла (в самом деле, «невинные» или «праведные» — это принесенные в жертву и оставленные на произвол судьбы граждане).

Что же затем делает империя и как она конституирует себя посредством прекращения и создания пиратства (террор и ненадежность проистекают от насильственных процессов)? Существует несколько элементов, которые, вероятно, могут подтвердить аналогию Августина и сделать более трудным определение терроризма:

Террор. Террор — это «орган» государства, лежащий в основании суверенности. Правительство порождает и контролирует террор (самый высокий возможный уровень страха)³, порождает выдуманного невидимого или реального врага (опасность) и ужа-

¹ Интересен совет Лейбница относительно сложной ситуации, когда суверен не может обеспечить безопасность, аналогичный размышлениям по этому поводу Гоббса. В письме г-ну Фалесо, написанном в Ганovere 8 июля 1705 г. он в первую очередь называет имя государства, которым пользовались латиняне (*les Latins*), *Respublica*, и говорит, что оно является крупным обществом, целью которого является всеобщая безопасность (*la seurete commune*). «Это позволяло субъектам принимать присягу верности врагу (*de prester serment de fidelite a l'ennemi*) их хозяина, покорившего их; их же хозяин не был способен что-либо сделать для гарантии их безопасности» (*Die Werke von Leibnitz*. Ed. O. Klopp. Hanover, 1884. Т. IX. CCCXXXI. S. 142–143).

² *Leviatan / The English Works of Thomas Hobbes*. Ed. W. Molesworth. L., 1839–1845. Vol. III. P. 317.

³ Спиноза в очень сложном фрагменте пытается демистифицировать этот террор. С одной стороны, он не должен быть возможным в правильно организованной республике; с другой стороны, критикуя Гоббса [Спиноза считает, что] эта разновидность ужаса не может быть побеждена империей или императором, и этот террор является «причиной падения Римской империи». «В правильно организованном государстве подобный страх возникает только по основательной причине (*similis terror non oritur, nisi ex iusta causa*). Вследствие чего этот страх и вызванное им замешательство (*confusion*) нельзя приписать такой причине, которую могло бы устранить человеческое благоразумие». «Однако в

сает свой собственный «организм» (суверен превращает свою суверенность, своих граждан, свое *civilitas* [гражданство] или *socialitas* [общество] в *imbecillitas* [бессиллие])¹. Существует некоторые различные мнения и версии относительно террора, о которых упоминает Гоббс. Я оставляю их в их первоначальном, «неизменном состоянии», какими они были до вмешательства Гоббса и его теорий о том, что (1) страх — причина возникновения государств, что (2) взаимный страх является основанием государства, что (3) лишь государство может превозмочь страх перед будущим злом, что (4) правительство государства (суверен) способно на то, чтобы быть «сильнее», чем страх и ответственным за обеспечение безопасности своих граждан и т.д.

При представлении власти (...), страх, исходящий от невидимой власти, на самом деле является таковым как мы его представляем, подлинной религией.

Страх, без понимания причин или сущности, *панический ужас (terror)*²; названный так исходя из басни, которая делает Пана его автором; эта страсть (*Terror*) происходит не иначе как в давке или толпе народа.

В этом слове *страх* я схватываю определенное предвидение будущего зла (*futuri mali*)³.

Страх — это испытываемые умом затруднение или досада, возникающие от опасения (*fantasias*) наличного зла, которое может повредить или уничтожить. Опасность — это близость устрашающего зла⁴.

Пятый фрагмент взят из перевода Гоббса *Риторики* Аристотеля. Гоббс не следует греческому тексту; скорее, он конструирует, убирает и дополняет, составляет и подчищает⁵ (или дополняет Аристотеля фрагментами из своих работ⁶). Это *нечто* Аристо-

момент величайшей опасности для государства (*in maximis tamen imperii angustiis*), когда всех, как это обыкновенно бывает, охватывает какой-то панический страх (*terrore quodam panico*), все, не думая ни о будущем, ни о законах, считают приемлемым только то, что внушает страх (*metus*); они обращают тогда свои взоры на человека, прославленного победами, освобождают его от действия законов, сами удлинняют (это самое худшее) срок его властвования и доверяют его совести все государство». Spinoza B. *Tractatus Politicus / The Chief Works of Spinoza*. Vol. I. L., 1883, chapter X, paragraph 10. P. 383–384. См. также: Спиноза Б. Сочинения в 2-х т. СПб.: 2006. Т. II. С. 327–328.

¹ Pufendorf S., von. *De Officio Homini et Civis. Juxta Legem Naturalem Libri Duo*. N.Y.: Oxford University Press, 1927. P. 19–21, 99.

² *Leviathan*. Vol. III. P. 44.

³ *De Cive / The English Works of Thomas Hobbes*. Vol. II. P. «Ego ea voce futuri mali prospectum quelibet comprehendo».

⁴ *The Whole Art of Rhetoric / The English Works of Thomas Hobbes*. Vol. VI. P. 456–457.

⁵ Эта часть является сочетанием высказываний из 1382a32, где Аристотель размышляет о близости опасности, которая является причиной страха, и фрагмента? находящегося 10 строками дальше, в котором говорится о знаках, которые предвещают приближение «объекта» страха, находящегося вблизи, под боком. (Гоббс добавляет к этому слово «зло») (*The «Art» of Rhetoric*: London, William Heinemann, 1926. P. 202–203). Хайдеггер на весеннем семинаре 1924 года подробно анализирует именно этот отрывок относительно страха. Согласно Хайдеггеру, аристотелевское обозначение страха является парадигмой феноменологического описания, поскольку первый анализ посвящен тому, что такое страх сам по себе, а затем - что такое страх для меня и для нас всех. (*Grundbegriffe der aristotelischen Philosophie*. GA. Band 18. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2002. S. 250–253).

⁶ Например, фрагмент из «Никомаховой этики», где Аристотель говорит о мужестве: «А страх мы испытываем, очевидно, потому, что нечто страшное [угрожает нам], а это, вообще говоря, зло. Имен-

теля (этот *объект* страха, это враждебное (*entra*)), которое находится вблизи и угрожает (в конце последнего фрагмента), и которое Гоббс называет «злом», кажется бесконечно «близким». Несмотря на тот факт, что слова «страх» и «террор» кажутся смешанными в этих утверждениях, несомненно, они означают прибытие «чего-то», что разрушает и из укрытия которого является то, что трудно найти. Однако, в отношении использования Гоббсом слова «страх» к террору есть два дополнения: Пан, бог, устрашающий путников, единственный смертный бог (*Левиафан* Гоббса также смертен), вносит момент неожиданности в страх и таким образом превращает его в террор (Гоббс создает целую систему понятий для описания этой «феноменологии неожиданности» — невидимый, изображенный, религиозный, мифический, охваченный паникой, множественный, злой, будущий, деструктивный, опасный, закрытый, ужасающий, враждебный); и во-вторых, в отличие от страха, у террора, в нем самом, есть нечто заразное и взрывное, поскольку именно оно, находящееся вблизи (под боком) поражает «множество народа» («имплозия», прежде всего, является медицинским термином, который с давних времен означал неожиданное вторжение симптомов в организм или во множество организмов).

Известный ответ Гоббса на эти наиболее важные проблемы содержат две идеи: идея величайшего (верховного) (*superanus*) и идея единого, единственного и уникального (*unus*). Суверен-Левиафан полагается в качестве защитника от этой ужасной опасности и изображается в виде огромного гиганта и Единого, который вмещает в себя «множество народа». Он возвышается как башня над городом и ничто не может его удивить.

Ответ Гоббса на террор (терроризм): суверен внутри себя должен объединять, управлять (*imperare*) и безупречно сопрягать множество различных элементов. Следовательно, Левиафан структурирован как бомба. «Все против одного»¹. Границы этой огромной оболочки, которая возвышается над городом, по сути представляют границы аналогии Гоббса и парадокс суверенитета. Кажется, что эта исходящая извне опасность от других суверенов (как возможно, что существуют некоторые, кто являются «*superanus*»?) выступает в качестве дополнения к руководящей силе внутри суверенитета. Меч находящийся в правой руке Левиафана, поднятый высоко над городом, аналогичен ключам, закрывающим двери и отделяющим граждан от ненадежных улиц (от бандитов, *Strassenraub*)² или мечам, которые носят путники³.

«Те, кто путешествуют, носят свои мечи с собой, потому что они боятся воров (*qui iter facit, cum telo est, qia metuunt latrines*)». Это подходящий аргумент Гоббса для

но поэтому страх определяют как ожидание зла» (III, 1115a) (London-Cambridge: W. Heinemann; Harvard University Press, 1939. P. 155. См. также: Аристотель. Сочинения. В 4-х т. М., 1984. Т. 4. С. 108).

¹ Charles and Clifford A. Kupchan, *Concerts, Collective Security and the Future of Europe* // *International Security*. 1991. Vol. 16. № 1. P. 118.

² «Обеспечение безопасности жизни и имущества граждан требует того, чтобы наблюдательные пункты полиции размещались на дорогах и улицах (*die Aufsicht der Polizei auf den Strassenbau*)» (Fichte J.G. *Foundations of Natural Right*. L.: Cambridge University Press, 1992. P. 255). «Когда мы в безопасности идем ночью по улице, на нас не нападают, поскольку иначе и не может быть. Эта привычка к чувству безопасности (*diese Gewohnheit der Sicherheit*) стала второй натурой...» (Hegel's *Philosophy of Right*. L.: Oxford University Press, 1952 (addition for paragraph 268). P. 282).

³ «Те, кто идут спать, закрывают свои двери; те, кто находится в пути, носят с собой мечи, поскольку они испытывают страх перед ворами. Государства охраняют свои берега и границы с помощью фортов и укреплений; города обносятся стенами; и все это по причине страха перед соседними государствами и городами (*urbes moenibus, tueri solent, metu vicinarum civitatum*)» (De Cive. Ibid. Vol. II. P. 6).

королевств и городов, чтобы они возводили стены («города сжимаются своими стенами») и, таким образом, полностью защищали себя от своих соседей.

Что всегда вызывает интерес к этой аналогии, так это момент, в котором она превосходит установленные ее автором пределы. Например, если сам Левиафан мог быть путником со своим мечом над каждым городом на земном шаре¹, то, по аналогии, суверенитет был бы не государственным, а глобальным, и не ограничивался бы государством, но был бы космополитичным. Аналогично, терроризм и война против терроризма могли действительно означать начало космополитизма и отмечать выход из «естественного состояния» («state of nature») и милитаристского государства, в которых обнаружилось суверенное государство, и это происходит до сих пор. Проблема, связанная с этой аналогией, в том, что сегодня всякая выдумка и всякая глупость, которые могут быть возведены на основе текста Гоббса и зрительных фантазий (карты и различные гравюры Левиафана, которые соответствуют его текстам), кажутся актуальными и возможными. Стоящей за этим причиной, возможно, является страх, который свойствен каждой эпохе. Кроме того, страх (а точнее, террор) находится в истоках аналогий и фантазий Гоббса.

Страх придает определенную динамику теории о суверенитете и коллективной безопасности. Суверенитет просто возрождается посредством террора. Следовательно, проявление террора (терроризма) как одновременного ответа на опасность или террор начиналось бы на улицах, падало бы с неба и появлялось бы на горизонте. Очистка улиц, очистка неба или очистка моря означает момент, с которого уже не достаточно просто «закрывать дверь» и идти спать, а, скорее всего, необходимо закрыть улицы, свети до минимума публичное пространство, грабить дома², закрыть границы, отменить полеты, изолировать подозрительных и т.д. Единство («даже самое великое единство») или Величественное («более великое, чем величайшее») следует начать лишь с исключения, удаления и нанесения поражения части целого. Эта всеобщая логика, диктуемая террором, является самим по себе террором прежде терроризма и различных теоретических реакций на террористическое насилие. Точнее, страх, бросок к объективированному и упоминаемому страху (достаточно последовать настоящему акцентирова-

¹ 13 января 1945 года в гамбургской лекции Карл Шмитт говорит о конце «океанического пространства» (Ende des jzeanischen Raumes), которое унаследовано «воздушным пространством» (Luftraum). Северная Америка, Quasi-Insel Nordamerica, согласно Шмитту, становится Luftimperium [воздушной империей], которая правит всем миром, поскольку она граничит со всеми странами планеты. Обзор гамбургской лекции Шмитта имеется в дневнике Вильгельма Штапеля (Wilhelm Stapel) Tagebuch, 13.1.1945 / Schmittiana. Beitrage zu Leben und Werk Carl Schmitts. Hrsg. Piet Tommissen. Berlin: Duncker & Humblot. Band V. 1996. S. 85.

² «Государство не знает, что происходит внутри человеческого жилья; но оно должно обладать властью наблюдать за тем, что происходит на улице, которую человек должен, прежде всего, пересечь для того, чтобы войти в свой дом. Следовательно, граждане не могут собираться (*versammeln*) внутри помещения без того, чтобы об этом знала полиция; и полиция имеет эту власть, так же как и право (*die Macht habe, sowohl als das Recht*), (поскольку улица подчиняется ее власти) предотвращать такое собрание (*die Vesammlung zu verhidern*), если у нее возникает подозрение» (Fichte J.G. Foundations of Natural Right. P. 258).

В письме Гоббсу в 1674(?) году Лейбниц тщательно прорабатывает институцию *ius praeventionis* [превентивного права] в контексте права противостоять и оказывать сопротивление опасности, которая исходит от тирана: «...Люди, видя надвигающуюся опасность, будут иметь право сплотиться в союзы» (*coeundi in foedera illis qui periculo propinqui videntur*) (Hobbes T. The Correspondence. Vol. II. Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 732, 735).

нию Гоббсом слова «зло» в аристотелевской теории страха; приближение «объекта» страха на наиболее близкую возможную дистанцию (как он говорит, «под боком»); Гоббс выбирает слово «опасение», а не, например, «впечатление» согласно слову Аристотеля «*ek fantasias*», «*fantasia*»), создает конфронтацию с последующими единством и согласием. Мне хотелось бы провести различие между двумя версиями этой логики:

— «Все против всех»¹ или теория «преступного врага» (*hostis iniustus*)². Одно государство — всегда враг, это есть условие для союза всех других государств, так же как общими врагами всех (врагами глобального суверена-путника) являются международные террористы. Страх (террор) всегда проявляется в форме противостоящего насилия, которое исходит из того же самого страха (терроризма): страх государства, которое тайно вооружается разрушительным оружием (Кант) или страх группы, у которой есть мощная бомба. Другой важный фактор для определения терроризма может заключаться в том (1), что это государство или группы вооружены против «всех», и что (2) за противостоянием или войной с ними никогда не последуют действия норм международного права.

— «Гомеопатическая стратегия». Предвосхищение Гегелем (да и не только им) гомеопатической медицины³ и «перевод» этой стратегии в политическую теорию освещены в известном фрагменте из *Феноменологии духа*⁴, где правительство государства способно, время от времени «создавать» врага («заказывать» войну), для того, чтобы поддерживать свое единство и уберечь государство (*save the state*) от возврата к «естественному состоянию» (*state of nature*). Враг (война) — это одновременно и часть организма, с которым организм предполагает начать конфликт (болезнь, лихорадка, кризис, война), с тем, чтобы одержать победу над ней и тем самым поддержать свою (органов) единство и целостность⁵.

¹ Первый пункт 11-й статьи «Хартии Лиги Наций» предусматривает, что «всякая война или угроза войны, происходящая непосредственно ли с каким-либо членом Лиги или нет, настоящим заявлена проблема, касающаяся всей Лиги». Кант не делает ее ясной: если все обладают правом на (превентивное) вторжение или всякое (любое) государство, которое находится под угрозой и страхом, имеет на это право (См.: Lectures «*Jus naturale belli*», 1784 // Kant's Vorlesungen, Vorlesungen uber Moralphilosophie. Band XXVI. Berlin: Walter de Gruyter, 1979. S. 1372–1373). Другая версия этого правила присутствует также в книге Фридриха Прусского «Анти-Маккиавелли» 1740 года (*The Refutation of Machiavelli's Prince or Anti-Machiavel* [Опровержение «Государя» Маккиавелли или Анти-Маккиавелли]. Ohio: Ohio univ. press, 1981. P. 161). В рукописи, опубликованной в 1848 году под названием «*Refutation du prince de Machiavel*», этот параграф был изменен.

² Турция для Лейбница то же, что Польша для Канта. В 1672 году Лейбниц пытается убедить Людовика XIV в завоевании Египта для того, чтобы раз и навсегда разгромить варварскую Турцию, самую большую угрозу для европейского единства. Понятием «*hostis iniustus*» [несправедливый враг] пользовались многие юристы до Канта, которые взяли его с городской стены Аахена. Согласно Канту, от Польши исходит опасность, она не заслуживает суверенитета, и Кант сравнивает ее с Турцией в своей лекции по антропологии 1784/85 гг. Недавно Георг Каваллар, Сьюзан Шелл, Харальд Мюллер и Хайнц Герд Шмитц писали о понимании Кантом «несправедливого врага».

³ Гегель был осмыслен Сэмюэлем Ханеманном, изобретателем данного метода.

⁴ Hegel G.W.F. (1807) *Phenomenology of Spirit*. L.: Oxford University Press, 1977. P. 272. Этот фрагмент является вариацией Гегеля на некоторые размышления Бодена относительно гражданской войны как лечения и противоядия.

⁵ Суверенитет — это организм. «Идеализм, составляющий суверенитет, есть то же определение, по которому в животном организме его так называемые части суть не части, а члены, органические моменты, изоляция и для себя пребывание [независимость] которых есть болезнь» (Hegel's *Philosophy of Right*. Paragraph 278. P. 282). См. также: Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 317–318.

(Гомеопатические стратегии в текстах Гегеля иногда приобретают невероятные и совершенно удивительные формы. В одном афоризме из его Йенского периода бомба появляется в качестве главного тропа и средства от лени и бездеятельности. Гегель утверждает, что подлинные и совершенно чудесные действия (в высказываниях, в великих книгах) напоминают бомбу (*gleichen einer Bombe*), падающую на тупой город (*faule Stadt*), в котором каждый размахивает рукой с кружкой пива. Именно это грубое самообслуживание и есть смысл, на котором настаивает Гегель и который притягивает молнию (*Krachen des Donners*) или бомбу).

Детская игрушка / Детский пугач

Между 1266 и 1268 гг. Роджер Бэкон составил *Tertium Opus* («Третье сочинение»). Этот текст был написан для Папы Римского, правителя христианского мира, которому принадлежал Бэкон, и его намерением был поиск ответа на террор. А именно, все исторические хроники XIII века говорят о широкой вере в надвигающееся прибытие Антихриста. В результате этого, Бэкон с помощью своей невероятной силы воображения и посредством своего совершенного научного духа, пытается получить признаки его (Антихриста) прибытия и уменьшить свою собственную, общественную и, конечно же, ужасную панику Папы (Ги Фулькони, личный секретарь Людовика IX был возведен на папство в 1265 году как Клемент IV). Все действия Бэкона сосредоточились на местонахождении и идентификации Антихриста, изображении всех его сил и обнаружении всей мощи его перевоплощения. Вследствие этого, Бэкон изучает языки, пишет учебник по древнееврейскому языку, настаивает на существовании аутентичного текста Библии, — и все это с целью обращения или уничтожения неверующих и раскольников. А именно, Бэкон уверен в том, что Антихрист был встречен племенем (*tatarov, Tartaros*), которое призывало его в качестве Господа Богов¹. Согласно Бэкону, татары (*The Tartars*) принадлежали к другой расе, которая вторглась в южный мир вплоть до Святой Земли, тогда как готы и вандалы пришли с севера. Таким образом, запад окружен со всех сторон. Несмотря на то, что для Бэкона прибытие этих варваров, татаров, конечно доказывает, что Антихрист уже прибыл, его главное свидетельство этому оказывается во всем окружающем весь мир беспорядке. Следовательно, Антихристу известна вся тайная власть природы, и он ею пользуется. Он применяет магию, а также использует механические изобретения, математику и геометрию и, конечно, философию². Философия — это одна из попыток Бэкона распределить роли до того, как противостоять Антихристу. Помимо «способности» философа осознать приближающуюся опасность (или что она уже здесь со всеми своими знаками, «под боком», но до сих пор не раскрыта), дать совет князю, Папе, или военачальнику, функция философа состоит в распространении научного знания и экспериментальной науки во все сферы общественной жизни. Задача Бэкона — раскрыть значение определенных открытий науки с целью защиты христианской империи от ее врагов (*contra infidels et rebelles*). Более того, философ Бэкон ведет исследование различных наук и настаивает на том, что их интересуют такие науки и открытия, которые принесли и еще принесут огромную пользу обществу и миру. То, что является самым важным для общества и что философ определенно провозгласил и сформулировал, разрушает этот «принцип зла», ко-

¹ Bacon R. Part of the Opus Tertium. Ed. A.G. Little. Aberdeen: The University Press, 1912. P. 11–12.

² Ibid. P. 17–19.

торый подобным же образом прогресс науки использует «свободно и эффективно для того, чтобы он мог подавить и поразить власть этого мира»¹. Поэтому одна из способностей Антихриста — вносить разрушительные силы в мир и таким образом отвлекать внимание мира от веры в то, что он является субъектом всякой опасности. Несмотря на этот факт, Бэкон отводит Антихристу важную роль в объединении этих варварских племен, которые *de facto* представляли реальную угрозу Церкви, и его (Антихриста) конфликт с философом имеет целиком интеллектуальный характер. Именно Антихристу принадлежит великая власть в использовании им науки, более великая, чем имели ее Аристотель, советник Александра Великого (Бэкон также упоминает Августина и различные описания завоеваний Александра)². Бэкон намеревается не только перехитрить Антихриста, возможно впервые в истории, но также превзойти умение быть советником язычника Аристотеля, который, соревнуясь с дьяволом, «передал мир» (*tradidit mundum*) тирану Александру³. Власть философа, который способен «отдать» мир политику или завоевателю, в значительной мере говорит об амбициозной натуре работы Бэкона и значении науки для военных целей. Рассказывая о многих чудесах, происходивших во время войн Александра Великого, Бэкон не упускает возможности упомянуть о мудром совете, данном Аристотелем, которым помог сотням тысяч смертных. Даже если и не ясно, какие технологические диковинки имел Александр, какие тайны Аристотель шептал ему на ухо, определенные описания количества жертв и грандиозные захваты территории могли бы вновь сегодня стать актуальными.

Великая идея Роджера Бэкона, которая предполагала самую большую пользу обществу и христианскому миру, поскольку она решала проблему скрытого террора, представляемого в качестве огромной бомбы (снаряда; Бэкон называет его *instrumentum*)⁴. *Instrumentum* создается, он производится (*struere* означает создавать)... он должен быть снаряжен, снабжен. Этот инструмент, который уже создан, должен «на расстоянии разбить армии и укрепления»⁵, убить еще раньше, чем враг соберется вблизи⁶, создать ужасный шум, который породит страх (смысл — он реагирует на террор даже еще большим террором), и должен иметь взрывную силу, чтобы убить сразу как можно больше людей. Если эта идея будет в будущем принята Церковью, прелатами и князьями, и если различные науки (астрономия, геометрия, оптика, химия, математика

¹ The Opus of Roger Bacon. Vol. II. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1928. P. 633.

² «Et hac scientia mirabilis utetur Antichristus, et longe potentius quam Aristoteles, quia sciet plura longe quam Aristoteles» (Bacon R. Part of the Opus Tertium. P. 54).

³ Ibid. P. 53.

⁴ Ibid. P. 51.

⁵ «(...) et ideo omnem exercitum, et castrum, et quicquid velit destruere, et non solum prope, sed in quamque distantia voluerit» (Ibid. P. 52).

⁶ «Более того, против недругов государства (*contra inimicos republicae*) они (Бэкон имеет в виду ученых и их последние открытия) открыли важные искусства, так что без меча или какого-либо оружия, требующих физического контакта, они могли уничтожить всех, кто оказывает сопротивление. Существует множество такого рода изобретений. Некоторые из них ощущаются не одним чувством, или не только обонянием, и эти изобретения книга Аристотеля (Бэкон упоминает книгу тайн) объясняет изобретениями, изменяющими воздух, но не теми изобретениями, о которых я говорил выше. Эти последние имеют различный характер, поскольку они воздействуют посредством заражения. Также существуют и такие, которые меняют какое-либо одно из чувств, и они становятся разнообразными в соответствии со всеми другими чувствами» (The Opus of Roger Bacon. Vol. II. P. 629). Слово «меч» отсутствует в оригинальном латинском тексте (Frankfurt am Main. GMBH: Minerva, 1964. P. 217).

и т.д.) были развиты и осуществлены, то это, конечно же, «сберегло бы христианскую кровь» (*ut parcatur sanguini Christiano*) (вот почему важны гиперболы, связанные с количеством жертв и завоеваниями Александра)¹. Это оружие должно дать преимущество всякому, кто овладеет им, создать всеобщую асимметрию в отношении с врагом и, вероятно, явиться совершенно симметричным и комплементарным по отношению к террору, в котором Бэкон жил и который спровоцировал его фантазию. Источником этой идеи также является аналогия, которую Бэкон описывает в своей книге *Novum Organum*². Это игрушка, популярная в его время, популярная сегодня (вероятно, только у мальчишек), всегда популярная: пугач ребенка (*ludicris puerorum*; *ludicrum* также означает сцену, игровую сцену, развлечение, *puer* — ребенок, в именительном падеже). Пугач (содержащий сжатый воздух — все, что об этом говорит Бэкон) является одним из примеров, который помогает объяснить третье движение (*motus tertius*), свободу (*libertatis*) (в качестве первых двух движений выступают «сопротивление» и «связь»)³. Движение, содержащее в своей сущности свободу, принадлежит телам, которые «стремятся избежать сверхприродного давления или напряжения и восстановить себя согласно подходящим их природе размерам»⁴. Это изменение обозначает движение как спасение ние от напряжения и давления.

Но гораздо больше необходимо то (поскольку многое зависит от этого), что люди должны знать, что насильственное движение (*motum violentum*) есть ничто иное как движение к свободе, то есть, бегство от давления к покою (*scilicet a compressione ad relaxationem*). <...> Действительно, тогда, когда каждая часть толкает следующую, одну потом другую, целое движется. И оно движется не только вперед, но и в то же время назад, части, таким образом, также стремятся к освобождению самих себя или к более равномерному распределению давления.

За несколько веков до Гоббса и его *Левиафана* Бэкон пытается детально описать разрушение (*deconstruction*) и взрыв Левиафана. Суверен («целое») разбивается на множество частей, и это волевой процесс, в котором каждая часть освобождается от могущественного целого, что может быть названо условием либерализма. Бэкон элегантно оставляет открытой возможность, при которой целое все же существует, но формируется совершенно различными способами и посредством «справедливого» распределения давления среди своих частей. Но почему это движение является насильственным? Потому ли, что целое прежде распалось? Потому ли, что некоторые части были принесены в жертву во время освобождения других? Потому ли, что некое другое целое или некое другое пространство пережило последствия этого взрыва или революции? Изменение в статусе целого, возможно, является тем, что послужило поводом Бэкону назвать это *motus libertatis* [освободительное движение] насильственным. Уменьшение давления между частями должно полностью деформировать целое, но не должно разрушить его⁵. Таково величайшее значение. Наоборот, другой опыт в отношении

¹ Ibid. P. 634.

² *Novum Organum* // *Aforisms*. Book two. XLVIII.

³ Множество примеров следовало бы подробно изучить, и в этой попытке необходимо реконструировать формы различных объектов, упоминаемых Бэконом.

⁴ «Per quem corpora se liberare nituntur a pressure aut tensura praeter-naturali, et restituere se in dimensum corpori suo conveniens».

⁵ Когда Мао Цзэ Дун говорит о «Месте антагонизма в противоречии» (О противоречиях, 1973) в своих их политических сочинениях, подобно Бэкону, он описывает этот «переход» в другое состояние: «До

взрывов, в котором обнаруживается понимание Ньютоном значения снарядов и великая ненависть к либерализму, лишь на время выражает согласие на изменение целого. Гегель упоминает бомбу в конце своей книги о естественном праве:

Таким образом, философия вовсе не берет частное для чего-то позитивного, именно потому, что оно является частным. Напротив, философия поступает именно так, если частное достигло самостоятельности в качестве единственной части по ту сторону абсолютной связи с целым (*sondern nur insofern es ausser dem absoluten Zusammenhange des Ganzen als ein eigener Teil Selbständigkeit errungen hat*). Абсолютная целостность ограничивает себя как необходимость в каждой своей сфере, выводит себя за их пределы как целостность и в сжатой форме воспроизводит там предшествующие сферы, подобно тому, как она предвосхищает последующие сферы. <...> Поскольку природа принимает эту форму, то она остается в ней, подобно тому, как снаряд внезапно толкает свою вершину и затем на секунду остается в ней (*Wie die Bombe zu ihrer Kulmination einen Ruck tut und dann in ihr einen Moment ruht*); металл при нагреве не делается мягким как воск, но сразу весь становится жидким и остается таким <...>. Так же и становящаяся индивидуальность восхищается прыжком при вхождении в новую форму, а также получает продолжительное удовольствие находясь в своей новой форме до тех пор, пока она постепенно не откроется негативному, а также к своему закату, внезапному и хрупкому (*bis sie sich allmählich dem Negativen öffnet und auch in ihrem Untergange auf einmal und brechend ist*)¹.

Бэкон упоминает эту игрушку, «которая сделана во многих частях мира» (*quod fit mulyis mundi partibus*), временами начинаемую порохом, который вызывает взрывы и приносит детям радость. Это не игрушка в форме оружия или какое-либо оружие, о котором мы сегодня знаем; скорее, это прототип бомбы или фейерверка. Кажется, что эта маленькая оболочка размером с палец (*ad quantitatem unius digiti*)², которая начинена порохом и которая, брошенная на землю или на твердый объект, производит гул, взрыв³, шум, вспышку, запах и, конечно же, взрыв детского смеха и страха. Бэкон три-

ее взрыва бомба является единственной сущностью, в которой противоположности сосуществуют в данных условиях. Этот взрыв происходит лишь тогда, когда присутствует новое условие, зажигание. Аналогичная ситуация возникает во всех природных феноменах, которые наконец принимают форму открытого конфликта, требующего разрешения старых противоречий и производства нового.

¹ Hegel G.W.F. *Natural Law. The Scientific Ways of Treating Natural Law, Its Place in Moral Philosophy, and Its Relation to the Positive Sciences of Law*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1977. P. 132.

² Bacon R. Part of the *Opus Tertium*. P. 51. В *Opus Majus* Бэкон сравнивает эту игрушку с большим пальцем человека (*ad quantitatem pollicis humani*) (P. 218).

³ Оба слова связаны и дополняют друг друга. «Взрыв» и «бомба» тревожат звуком, и чаще всего животных. «Гул» [boom] – это ономотопея [*греч.* звукоподражание], имитация того, что взрывается с очень громким шумом, так же как и «мяу» есть имитация кошачьего мяуканья. За каждым «boom» скрывается взрыв. Если я грек, когда я произношу слово, которое содержит в себе «бомбу» (*bombos, bombo, bombile*), то это ономотопея (соответственно, если я говорю «бомба» и не знаю греческого, это означает, что я слышал взрыв, остался в живых, и затем сказал «boom», сказал «бомба»; смысл этот является ономотопеей взрыва). В греческом *to bombo* является не изменяющимся звуком, ономотопеей, варваризмом (*bombos*, глубокий звук, гул, жужжание; но это и то, что называется пчелами, или жужжанием пчел, «bumblebee» [«шмеля»] (*bombile* по-гречески)). В *Протагоре* Платона (316а), автор описывает удивление Сократа во время встречи с Продиком, учителем риторики: «<...> Считая его человеком премудрым и даже божественным; но из-за того, что голос его низок, только гул (*fonos bombos*) раздавался по комнате, а слов его уловить нельзя было». Бомба – это имя, посредством которого обозначается взрыв (*plaudo*, удар по-латински, *plodere* – ударять, но и бить друг по другу, ладню по ладони, аплодисменты). *Ex-plosio* или *ex-plaudere* означает действие во время охоты или пре-

жды упоминает эту игрушку, и в этих трех случаях он определяет ее по-разному, но всегда в контексте известного Гидеона (на этот раз не Александра), который был способен разбить лишь с тремя сотнями человек великую армию мидийцев. Фактически, это и есть начало использования греками огня. Бэкон рассказывает об этом событии, когда «разбиваются маленькие бутылки, и лампы, и огонь вырывается с превеликим шумом», разрушая все, что было до этого. Интересней, чем бесконечные споры и предположения относительно подлинных изобретателей пороха и подлинных истоков страха, которым был воодушевлен Бэкон, способность его фантазии объединить науку, легенду, страх и, конечно же, особое чувство («чувство свободы» или, возможно, способность к возвышенному, о которой позднее пишут Берк и Кант), которое освобождает каждый взрыв и которое он отмечал на лице ребенка. Следующее высказывание предвосхищает века и объясняет великий проект, который должен завершиться открытием инструмента, который разрушает все страхи и в то же самое время бесконечно создает их:

Вспышкой и горением огней и ужасом звуков (*sonorum horrorem*), чудеса могут изрешетить, причем на любом расстоянии, которое мы пожелаем — так, что человек может едва ли защитить себя или вынести это. Примером тому является детская игрушка из звука и огня (*puerile de sono et igne*), сделанная в различных частях мира с порошком (*pulverem*) каменной соли, серы и древесного угля из орешника. Этот порошок заключен внутри инструмента из пергамента (*instrument de pergamento*) размером с палец, и поскольку это может сотворить такой шум, который серьезно расстраивает слух людей, особенно если он застает врасплох, и ужасная вспышка тоже весьма тревожна (*et coruscation simlitter terribilis turbat valde*); при использовании инструмента большого размера (*instrumentum magne quantitatis*) никто не смог бы вынести ужас от шума и вспышки (*terrorem soni, nec coruscations*). Инструмент, сделанный из прочного материала (*de solidis corporibus*), производил бы гораздо большее насилие (*tunc longe major fieret violentia*).

Бэкон подчеркивает, что самое большое насилие от этого взрыва находится не столько в огне, который сжигает людей и вещи, сколько в ужасе от шума, вспышек и сверкания.

Нельзя сравнить раскат грома с этими шумами. Некоторые из этих ударов так ужасны (*tantum terrorem*) для зрения, что сверканье туч беспокоит его несравненно меньше¹.

Ужас пишет эти слова. Бэкон бесконечно настаивает на нашем всеобщем помешательстве и благодаря силе своего воображения, которое всегда готово для чего-либо более стоящего, он превозмогает каждый из наших возможных страхов (исходящих от шторма, грома, огня, шока и т.д.). *Instrumentum*, этот будущий фатальный взрыв (ожидаемый в течение десятилетий), вместе с множеством «детских» взрывов, которые уже произошли, кажется лишь *теоретической* реакцией на известный донныне террор.

Перевод с английского Жаната Баймухаметова

следования животного, оно состоит из хлопания в ладоши и выкриков, которые в общем предполагают запугать животное и загнать его в ловушку.

¹ Bacon R. Part of the Opus Tertium. P. 51.